

—Рассказывать дорогу к золотоискателям долго, возьмите проводника, — посоветовал начальник планового отдела Салдинского карьера Владимир Федорович Фунин. — Сейчас на драгу собирается смена.

Мы последовали его совету, и вот за стеклами нашей машины промелькнули белоснежные домики поселка в нежно-голубоватом ожерелье цветущей сирени, под колеса побежала влажная лента таежной дороги.

Когда машина запрыгала в колдобинах, вздыхая, наш проводник пожаловался:

— Сколько мы денег умос-

тонет. Сейчас еще цветочки, будут и ягодки.

По сторонам гордо покачивают солнечными головками колокольчики, в прогалинах дорогим узорчьем рассыпались медунки. Часток ольховника, через который и медведь не продерется, сменяют сосны в два обхвата, зелеными косынками листвы помахивают тонконогие березки.

Впереди, как нам показалось, появился завал. Настил в топком месте из свежесрубленных деревьев, на него брошены тонкие елки.

—Трактором не успели примять, — слышим мы пояснение.

кий храбрый «ЗАЗ-969» полз на завал, пригибая хвою.

Радоваться рано. За очередным поворотом дорогу преградила поваленная недавней бурей толстая осина. Оббегать? Слева стена леса, а справа вырубка, всюду торчат пни.

Искусство нашего водителя спасло положение и на этот раз: машина снова вырвала в прохладный зеленый коридор. Где-то вдалеке он чуточку распахивался, открывая кусо-

кавинкой глаза, неспешные, уверенные движения. На нем потрепанная брезентовая куртка, выдавшие виды сапоги, потертая кепка. Все обличает в драгере человека таежного, бывалого, одного из тех, которые не испугаются и самого хозяина тайги. Двадцать семь лет Юрий Семенович посвятил работе на драгах. Сначала на севере — мыл драгоценные хрусталики алмазов. Вот уже девятый год работает здесь, на 47-й драге — добывает золото.

Человек и его дело

ЗОЛОТЫЕ СКАЗЫ САЛДЫ

ЭТО ЕЩЕ ЦВЕТОЧКИ! ПРОФЕССИЯ
ПО НАСЛЕДСТВУ. ДРАГА № 47.

чек лазурного неба. Там плавились, растекались солнечные лучи.

Повеселевший проводник негромко рассмеялся:

—Вспоминаю один недавний случай, — пояснил он. — Как-то едем на работу, и вот где-то здесь, чуть ли не перед капотом машины, появился огромный медведь. Мишка мгновение смотрел на невиданное, громыхающее железное чудо, затем рывкнул со страху и одним прыжком махнул через дорогу...

В Юрия Семеновича Вос-

Восьмухин раскуривает папиросу, щурясь от дыма, начинает рассказ:

—Весь наш род, можно сказать, золотоискатели. Заразил меня с братьями этим ремеслом отец, Семен Поликарпович. Начинать он на коробках — паровичках, которые втридорога поставляла заграница. Технологія работы на них была примитивной, такие разработки золотоносных жил можно сейчас назвать хищническими. Батя до винтика знал заграничных «гостей»,

Машина еще несколько раз подпрыгивает в рытвинах и с торжествующим ревом вырывается на простор светлой, залитой солнцем поляны.

—Здесь сядем, — уверенно говорит Восьмухин, когда колеса коснулись на редкость яркого, изумрудного ковра травы — верного признака болота.

Самонадеянность подвела нас, и мы надежно утопили «ЗАЗ». Перемазавшись с ног до головы, убедившись, что без топора не обойтись, махнули на все рукой и пошли за своим проводником.

Одолеев пригорок, все незаметно остановились. Невдалеке слышался грозный скрежет и гул — будто гигантский доисторический динозавр сокрушал своими челюстями скалу.

—Наша, 47-я работает, — улыбнулся Восьмухин и пошел к реке спорым, легким шагом.

Подойдя к заливику, где плавали овальные листья кувшинок, мы увидели туго натянутый, толщиной в руку, трос, петля которого, обхватив толстую сосну, врезалась в нее так, что почти утонула в дереве. Стальная струна уходила вглубь леса.

—Это растяжной трос, удерживает драгу, — объяснил мимоходом Восьмухин.

Лес неожиданно расступился, блеснула гладь реки. Посредине ее стояла многоэтажная машина таежного корабля,

—Сколько мы денег умостили в эти километры, и бесптолку: щебень, гравий — все

яснение.

Наш водитель раздумывает недолго — и вот уже малень-

У Юрия Семеновича Восьмухина худощавое, бронзовое от загара лицо, живые, с лу-

эпал заграничных «гостей», но с радостью взялся мыть золото на отечественных драгах.

ная машина таежного корабля с двумя металлическими мачтами.

На берегу нас ждала лодка.

—Ну, поплыли. — Проводник сильно оттолкнулся веслом.

А. ШЕВЧЕНКО.

Продолжение следует.

На снимке: драга № 47.

Фото М. ПРОВОРОВА.

● На проверке—ход реконструкции

ДЕЛО ЗА ВАМИ, СТРОИТЕЛИ

бокс для стоянки механизмов площадью 450 квадратных метров. Кроме того, завод полностью обеспечивает строителей пиломатериалами, мягкой кровлей, горюче-смазочными материалами, оказывает необходимую

(Окончание.)

Начало в №№ 77, 78).

АЛЕКСАНДР поднял бинокль, медленно повел им по горизонту. Близко-близко подступил, застыв в перекрестье нитей, затопленный лес, где по колено в воде стояли грустные березы, затем наплыл низкий покатым берег, на котором столпилось веселая стайка осин. В линзы ударил густой малиновый свет. Это огненная колесница солнца заканчивала свой бег за неблизкими холмами.

Александр отнял глаза от бинокля, облокотившись о поручни, стал смотреть вниз, в темную воду.

Вот и сбылась твоя мечта, Сашка, стойшь на мостике драги. Прийти к нему было нелегко: через трудные годы учебы в техникуме, службы в армии. Теперь все это позади. Не сдался, выстоял долгую вахту, поджидая паруса своей бригадинны.

Достав пачку фотографий, Александр раздвигает их пером. Сразу становится ясно при взгляде на угрюмые, покрытые мелколесьем горы, изображенные на снимках, серое тусклое небо и саван снежных полей. И в этом стилем, пустынном краю взметнулись мачты драги. Да, не сладко пришлось там, на севере, где проходил практику, хлебнул лиха. Морозы такие, что прикоснись голой рукой к железной стене — потом не отдерешь. Работать приходилось под насмешливым взглядом старых золотоискателей: и то неладно сделал, и там прово-

ронил. Приискатели были непрочь позубоскалить над практикантом, но их необходимые шуточки не задевали. Порой и сам расхохочешься, зная, что сейчас вот этот медвежатый дядя с кирпичным от холода лицом подойдет и поможет исправить промах. Суровая школа пошла на пользу

Золотые сказки

Александр Салахутдинову — драгу сейчас знает назубок.

На память пришли давно прочитанные книги. Любил Александр в детстве сказки Бажова. Читаешь, и оживает седая старина, словно наяву видишь девушку Синюшку, Золотого Полоза, Хозяйку Медной горы... Может, впечатления тех лет и утвердили его в решении стать золотоискателем, добывать подземные клады.

РЯДОМ остановился покашливая, беспощадно дымя самокруткой, Бектяшев, старый машинист.

Александр искоса глянул в его обветренное лицо, на котором разбежалась от прищуренных глаз броская сетка морщин, приветливо кивнул головой.

— О чем мечтаешь, техрук? — Бектяшев поднял на Александра всегда задумчивые, спокойные глаза.

За старшим машинистом шла слава неразговорчивого человека, и Александр был немало удивлен.

— Вспоминаю сказки Бажова, Вениамин Степанович, —

золото нашли. Получит старатель свои несчастные копейки и — берегись, такая жисть — пошел гулять по кабакам, а их было — как грибов после дождя. Вот так и катились мутной рекой горе да кабала. Ну, сейчас другие сказки у Салды начались — золотые... Бектяшев скупно улыбнулся:

Человек и его дело

ЗОЛОТЫЕ СКАЗЫ САЛДЫ

СВОЙ ПАРУС. БЕКТЯШЕВ. ЗА ТУМАНОМ.

ответил он, чуть помедлив.

— У Салды свои сказки, — негромко заговорил машинист, затягиваясь дымком. — Есть злые, есть и хорошие... Когда открыли здесь золото, много разного люда нахлынуло. За трудягами-старателями прилетело воронье: тайные скупщики золота, торгаши и всякая другая нечисть.

Работа на прииске была — сущая каторга. Возит бедолага день-деньской тачку с песком к бутаре, брякнется, и душа из него вон. А кто домой притянется, и жизни не рад: ждет его сырая землянка, где лягушки на полу прыгают, да пустые щи.

Раньше наш Октябрьский поселок Богомоловским прииском звался, по имени купца, на землях которого кварцевое

— Сам видишь, на каком корабле плаваем, как фабрика. Только за машинами присматривай — они тебе сами золото намоят...

ПОД впечатлением рассказа старого золотоискателя спускался Александр по крутым трапам к сердцу корабля. У Бектяшева, если он разговорится, можно узнать много нового, захватывающе интересного. Немало доброго и недоброго повидал на своем веку кавалер ордена Трудового Красного Знамени.

Придирчиво осматривая по пути бутару, лебедки, шестерни, Салахутдинов в задумчивости остановился перед насосом на нижней палубе, гудевшем на высокой ноте грозно и раскатисто.

Озабоченно осмотрев насос и убедившись, что он тянет пока исправно, Александр поднял крышку люка и по отвесному трапу спустился в огромный, гулкий и пустой понтон. Звуки машин сразу стали глуше, их поглощал экран стального потолка.

Александр огляделся. Понтон — важнейшая часть корабля. Пробежит его, и гигант затонет. На случай аварии у стены аккуратным штабелем сложены бревна.

Когда люди наверху, жизнь корабля надежно охраняет датчик. Если в понтоне появится вода, то она обязательно коснется поплавка умного прибора, и сразу заревут мощные насосы, удержат драгу на плаву.

Измаланный, но довольный осмотром Александр поднялся на верхнюю палубу. Здесь уже бушевала гроза, лес и река исчезли в потоках ливня, а невдалеке, увлекшись работой, беззаботно распевавший верхний машинист:

— Понимаешь, это странно, очень странно, Но такой уж я законченный чудак.

Я гоняюсь, я гоняюсь за туманом И с собою мне не справиться никак...

Ослепительная молния голубым клинком рассекла фиолетовый щит неба, пушечным выстрелом раскатился гром, а песня не утихла.

А. ШЕВЧЕНКО.

На снимке: Вениамин Степанович Бектяшев.

Фото М. ПРОВОРОВА.